

У дома, где хранится раритет СП-22 (Сиэтл, штат Вашингтон, США); на фото — хозяин дома Джон Биттер "Jumper", баннер и автор истории. Март 1998 года. Фото из архива И.А. Мельникова.

Так случилось, что автор возвращался из экспедиции SHEBA в Москву через Сиэтл, где представилась возможность посетить дом Джона. Из хранилища был вытасчен баннер, и сделана памятная фотография, как доказательство и свидетельство к истории, о которой идет здесь речь. Джон предлагал мне забрать баннер с собой в Москву, но в силу определенных обстоятельств не было возможности это сделать. Было решено отложить сие важное предприятие до лучших времен.

Вместо послесловия. Прошло почти два десятилетия с момента нашей встречи с Джоном и описанной здесь истории.

Время от времени автор поднимал вопрос об организации возвращения раритета СП-22 на Родину, но пока безрезультатно. Баннер «Советская арктическая дрейфующая обсерватория «Северный полюс-22» — это не просто кусок фанеры с надписью, это прежде всего — часть великой истории и нашего Отечества, и полярников дрейфующих станций «Северный полюс», вложивших свой труд в научные открытия в Арктике.

*И.А. Мельников
(Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН)*

ПОЛЯРНЫЕ БУДНИ НА МАРШРУТЕ В ДЕЛЬТЕ ЛЕНЫ

Слово «экспедиция» вошло в мою жизнь довольно давно и означало, естественно, кочевую жизнь, палатки, костер, добрую песню и, конечно, нерушимую дружбу. Со временем эти представления не изменились, и хотя бывают экспедиции, где ноутбуков на душу участников больше, чем в престижном научно-исследовательском институте, но старая добрая гитара всегда со мной, и песня по-прежнему согревает душу, а костер тело. Но в те далекие восьмидесятые слово «экспедиция» для меня, тогда молодого лаборанта географического факультета Ленинградского университета, было магическим и связанным только с науками о Земле, и казалось кощунственным слышать из уст какого-нибудь киношника, что он отправляется в «экспедицию». А теперь, когда я побывал во многих уголках планеты, в том числе и в Антарктиде, и когда я открываю очередной номер журнала «Экспедиция», это слово наполняется для меня особым смыслом.

Об одной такой экспедиции, которая случилась в конце 1990-х годов, я и хочу рассказать. Для меня, учителя геогра-

фии, имевшего за плечами опыт работы в Азиатской экспедиции географического факультета Ленинградского университета, лето — полевая пора. Как профессиональный географ, я каждый год отправлялся в составе экспедиций отдела географии полярных стран ААНИИ на север, не только для того, что бы остаться «в обойме» и не потерять возможность странствовать, но и расти профессионально — учитель географии должен видеть (по мере возможности) то, о чем он говорит. В составе легендарной, не побоюсь этого слова, экспедиции А-162, которую возглавлял Дмитрий Юрьевич Большианов, мне посчастливилось поработать на полуострове Таймыр, Северной Земле, в дельте реки Лены. Именно Дмитрий Юрьевич стал моим «арктическим крестным отцом», хотя свой первый арктический опыт я получил в паре с другим «монстром» полярной географии — Вячеславом Михайловичем Макеевым, а работа в экспедиции близко свела меня с другими сотрудниками отдела — Михаилом Анисимовым, Григорием Федоровым, Еленой Павловой и Мариной Дорожкиной.

Летом 1997 года судьба забросила меня в составе маленького отряда отдела географии полярных стран ААНИИ в дельту реки Лены. Места там дикие, людей практически нет, и мне с двумя моими спутниками, точнее спутницами, надлежало, изучая береговые обнажения, передвигаться вниз по протоке Туматской до острова Сагастырь — места основания первой российской полярной станции под руководством Николая Даниловича Юргенса в период проведения первого Международного полярного года (1882–1883 годы). Дельта реки Лены огромна, ее площадь составляет около 30 тыс. км². Это одна из крупнейших по величине дельт мира после Амазонской, Гангской и дельт великих китайских рек Янцзы и Хуанхе. Поэтому без надежной карты, а в некоторых случаях и проводника делать тут нечего. Вдоль низких топких берегов многочисленных рукавов дельты мы пробирались к конечной цели нашего путешествия — острову Сагастырь, на двух надувных лодках, доверху набитых экспедиционным снаряжением и продуктами. Вертялые и парусящие на диких ветрах Арктики, наши лодки упрямо шли к одному из самых северных островов дельты, омываемых и водами реки Лены, и Северным Ледовитым океаном одновременно.

Экспедиционная жизнь трудна и неустроенна даже для мужчин, не говоря о женщинах. Хотя я и встречал в своей полевой практике стойких и приспособленных к многомесячным экспедиционным тяготам женщин, органично вписывавшихся в мужской коллектив, тем не менее считаю, что такая жизнь не для них. Надо отметить, что в истории полярных путешествий были замечательные примеры представительниц прекрасного пола, которые своим упорством, самоотверженностью, силой воли могли дать фору многим мужчинам. Далеко за примером ходить не надо, достаточно вспомнить имена спутниц мужчин-первооткрывателей: Ермении Жданко — участница экспедиции Георгия Брусилова на парусной шхуне «Святая Анна», Татьяны Прончищевой — супруги руководителя отряда Великой Северной экспедиции Василия Прончищева, жену и спутницу геолога И.Д. Черского — Мавру Павловну, которая перенесла не только смерть мужа, но и все тяготы и лишения в маршруте по р. Колыме, не только сохранив жизнь после смерти мужа своему второму спутнику — 12-летнему сыну, но и завершив начатые им исследования. И честь и хвала им, известным и неизвестным женщинам, даже незримое присутствие которых давало силы их мужчинам для героических поступков. И вот теперь я, достаточно опытный путешественник и исследователь, должен проложить маршрут по Туматской протоке в компании двух женщин.

Не одно поколение полярников добрым словом вспоминает старушку арктических исследований — лодку НЛ-8. В дельте р. Лены, 1997 год.

отбор из них образцов на радиоуглеродный и палинологический анализы. Полученные образцы позволили бы провести палеогеографические реконструкции и оценить изменения природной среды за последние 10 тыс. лет.

Неспешно продвигаясь по протокам, пытаясь кое-где сократить наш маршрут, мы приближались к конечной цели. Дни были похожи один на другой, несмотря на разные виды работ, которые мы выполняли, и смену ландшафтов. Нет, ландшафт был один — тундра. Но кто хоть раз увидел ее многоцветие, погрузился в ее звенящую тишину, увидел стремительные переходы от лета к зиме и обратно, трепещущие на ветру полярные маки, замеченные последним снегом и тянущиеся к солнцу первоцветы, никогда не забудет этой грустной и такой завораживающей красоты...

Как водится, беда приходит неожиданно и именно в тот момент, когда ожидаешь ее меньше всего. На этот раз нас настиг сильный ветер со стороны океана. До тех пор пока мы шли по реке на веслах, прикрытые склонами террас, все было хорошо, но стоило реке поменять направление на северное, как мы вынуждены были покинуть наши лодки из-за сильного ветра, продолжив наше дальнейшее путешествие уже пешком. Пришлось тащить наши груженные лодки на бечеве вдоль берега, время от времени проваливаясь в топкую трясиину низких берегов. Ветер был очень силен, но я не сразу понял всей опасности ситуации, в которой мы оказались. В том месте протока делает излучину, подворачивая чуть на восток, при этом сохраняя генеральное направление на север. Береговой

склон, вдоль которого мы шли, был довольно высоким и крутым, без единого удобного места для подъема на террасу. Судя по карте, она простиралась еще на километр-полтора. Погруженный в свои размышления и увлеченный борьбой с ветром и течением, я не заметил, как с севера накатили черные низкие тучи. Пошел нудный моросящий дождь, который вскорее перешел в ливень. Дождь стоял стеной, нет — он летел почти параллельно реке, не

Даже в июле в маршрутах приходится пробиваться через льды. Озеро Левинсона-Лессинга, 1996 год.

давая поднять голову и оглядеться. В минуту мы оказались мокрыми насковозь. И, как назло, ни одной ложбинки, ни одной промоины, по которой мы бы могли подняться на террасу, чтобы поставить лагерь. Вода в реке заметно прибывала, и мы шли уже по колено в воде. И, наконец, о чудо — промоина в береговом склоне, по которой можно попытаться подняться наверх. Увязая в раскисшем песке, ходка за ходкой мы поднимали вещи на плоскую поверхность террасы, где нас уже поджидал шквалистый ветер, который норовил что-нибудь прихватить с собой, вырывая из рук легкие вещи. Наконец все уложено наверху. Ветер и дождь не прекращаются, медленно превращая наш походный скарб в одну мокрую кучу. Втроем ставим палатку. Рук явно не хватает, а у моих спутниц и сил, чтобы удержать полотнище нашей брезентовой палатки. Прижав трепещущую ткань к земле своими телами, прибаваем ее пол к земле длинными металлическими штырями. Крепим растяжки с наветренной стороны, медленно вставляем колья коньков — и, о счастье, она стоит! Затаскиваем вещи. Под ногами хлопает вода, стекающая с нас, с наших вещей, со стен и крыши нашего дома. Из второй капроновой палатки кое-как устраиваем внутренний навес, хоть как-то спасающий от ветра и дождя. Разжигаю примус, оставляю моих спутниц наживать быт, а сам под продолжающимся дождем укрепляю палатку, поднимаю лодки, насколько можно высоко, связываю их вместе, креплю к колам, забитым в песчаный грунт, поднимаю наверх весла. В палатке от работающего примуса тепло. Попили чай и завалились спать.

Утром проснулся по привычке рано. Дождь окончился, пасмурно, ветрено. Вышел на берег. Ужас округлил мои глаза — лодок на месте не было! Часть берега, к которому они были привязаны, смыло нагонной волной. Первая мысль — что делать дальше? Пешком по дельте не пройдешь, радиосвязь неустойчива. Ни с Тикси, ни с островом Самойловский, где располагалась база экспедиции, связи за последние два дня не было. Правда, мы слышали позывные кордона заповедника на острове Сагастырь, но радиоконтакта установить не удалось. До ближайшего жилья по прямой километров сорок. С такими мыслями бегу за биноклем. Обшариваю горизонт вниз по течению реки — нет лодок, смотрю вверх по течению — слава богу, вот они. Под действием ветра лодки унесло вверх по реке почти на километр, загнав их на противоположный берег протоки. Лодки есть, но до них еще надо добратся. Спустился к реке, измерил температуру воды. Лучше бы я этого не делал — 8 °С. Надо плыть. Кому плыть — вопросов не возникало. Надел на себя теплое белье, спасательный жилет, поднялся по реке чуть выше, чем лодки, и смело бросился в ледяную воду. И тут же был снесен течением — я не учел скорость на излучине реки. Самой трудной оказалась вторая

попытка. Мне казалось, что никакая сила не сможет заставить меня снова войти в эту воду. Но надо как-то добираться. Плылось очень тяжело, в какой-то момент мелькнула мысль: «Будь что будет, бросить все усилия, и вынесет меня в океан», но, преодолевая усталость и мышечную боль, судорожными гребками заставил себя двигаться. Наконец почувствовал, что течение не сносит, значит, стремнину прошел и дальше будет легче. Действительно, оставшуюся часть преодолел довольно быстро. Наконец я у лодки! Была ли радость преодоления себя и реки — не помню. Сил на какие-либо чувства и эмоции не было. Если бы не спасилет — не доплыл бы, а ведь сначала я даже думал весло с собой прихватить. К нему-то и возвращались мои мысли — как попасть на противоположный берег? Сажу в воде... и не знаю, что делать. До дна не достать, порожние надувные лодки сидят высоко, да и зацепиться не за что. Развернул одну из лодок транцем к себе, кое-как подтянулся и с трудом перекинул ооченевшее тело в лодку. Упал на дно, но радоваться рано, надо еще вернуть лодку на противоположный берег. Весел нет, как плыть, что делать? Осматриваюсь, лодки находятся на плаву — что-то их удерживает от сноса течением. Оказалось — лопата. Привязывая лодки вчера к вбитым колам, носовую веревку я обвязал вокруг лопаты, загнав ее как можно глубже в береговой песок. Она и стала моим спасением. Используя лопату как весло, поперек течения погнал лодки на нашу сторону. Шатаюсь как пьяный, с трудом подтянул лодки к берегу. Сил оставалось только на то, чтобы раздеться и зарыться в спальный мешок. Меня бил озноб. Температура тела упала до 33°. Мои спутницы укутали меня в несколько спальников, отпили крепким сладким чаем, влив туда изрядную порцию спирта. Стало легче и теплее. А через пару часов мы уже собирали лагерь — впереди нас ожидали настоящий океанский шторм, леденящая пурга, от которой пришлось отсиживаться в палатке более суток, лабиринты меандр Туматской протоки, а в конце пути — гостеприимство якутов на кордоне заповедника, уха из осетра, оленина и длинный, длинный путь домой. До сих пор, вспоминая те замечательные времена, явственно ощущаю запах свежего хлеба, который с любовью испекла для нас старая якутка с русским именем Акулина.

К слову сказать, в скором времени кордон на острове Сагастырь закрыли, сотрудники были уволены или переведены на новое место работы в пос. Тикси. Но и сегодня, я надеюсь, стоит на обрывистом берегу Туматской протоки срубленный нами крест в память о первой российской полярной станции.

*А.Ю. Иванов (учитель географии
гимназии № 85 Санкт-Петербурга).
Фото автора*

* НОВОСТИ КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

17 октября 2016 г. ИАП «ARCTICuniverse». С 7 по 9 октября в Рейкьявике (Исландия) прошла крупнейшая международная научно-практическая конференция по ключевым вопросам развития Арктики – Ассамблея «Северный полюс» (или «Арктический круг») – Arctic Circle Assembly 2016. В состав делегации РФ, принявшей участие в форуме, вошли руководитель Росгидромета Александр Фролов, губернатор ЯНАО Дмитрий Кобылкин, директор департамента международных и внешнеэкономических связей ЯНАО Александр Мажаров, директор департамента по науке и инновациям ЯНАО Алексей Титовский и другие. <http://www.arcticuniverse.com/ru/news/20161017/10718.html>

17 октября 2016 г. ИА «Арктика-Инфо». «Роскосмос» перенес старт первого аппарата многофункциональной системы «Арктика» на 2018 год. Госкорпорация приняла решение о переносе запуска первого спутника из многофункциональной системы «Арктика». По предварительной информации, старт отложили в связи с неготовностью бортового оборудования. <http://www.arctic-info.ru/news/17-10-2016/zapusk---arktiki---perenositsya-na-2018-god/>